

ла, что снова за ней придут, а то бы вообще не открывала двери. Она думала, что ее слова для них — закон, останутся от нее. Жалела, что вчера им не сказала, что ее давно ждут Там — муж и предки. Может быть, отстали бы от нее, поняли. Какие-то минуты она стояла перед ними без слов, три раза закрывала и открывала глаза. Вся напряглась. Стояла тишина. И как будто бы слово «Мэ-эй», сказанное переводчицей, еще эхом раздавалось в комнате. Впервые в жизни Екка не ответила на приветствие пришедшим гостям. Потом шоковое ее состояние прошло. Баба Екка нещадно ругалась на своем языке, понятном только ей и переводчице.

Еще с утра врач договорился с родными бабы Екки, чтобы заранее собрать бабулины вещи в больницу. И пришлось насильно посадить ее на «скорую», отправить на аэродром прямо перед вылетом самолета и увезти. На аэродроме сопровождающая бдительно следила за старушкой, чтоб она не сбежала, не спряталась...

Когда белокрылый ЯК-40 поднял ее над облаками, баба Екка часто подносила ко рту угол воротника и кусала его. Сидела она у иллюминатора и поминутно поглядывала вниз. Понемногу успокоилась. Вот уже облаков не видно под ними, лишь только белесо-голубой простор вокруг. И ей подумалось, что скорее всего летит она не в больницу в город, а к верхним людям. Она часто-часто смаргивала, вытирала глаза платком. Сердце ее трепетало. И постепенно боязнь и беспокойство ушли...

Баба Екка ощутила даже какую-то радость: вот-вот неожиданно-негаданно объявится она к своему мужу и предкам, давно покинувшим землю и ее, Екку. Голова от волнения и мечтаний закружилась, она снова потянула уголок ворота ко рту и прошептала: «Про-

всех на прощание, а те стояли и молчали. Ведь она даже плюнула им на прощание и выговорила: «Эчвэй!». И стало бабуле немного обидно за последние земные минуты. Обидно и больно: не так она простилась с людьми.

Солнце ярко светило в иллюминатор. Екка подумала, что у них тут, у верхних людей, солнце ярче. Но вдруг — темнота. Самолет летел в «молоке», как летчики говорят. Ей показалось — она умерла. «Вот и все, прилетела», — подумалось ей.

...Но не суждено было бабе Екке попасть к верхним людям. Не суждено ей было хоть одним глазом увидеть своих покойных родичей. Самолет мягко приземлился в Елизовском аэропорту, полосу которого старушка приняла за неземную площадку, а дымящийся вулкан — огромную юрту верхних людей. Сердце ее радовалось и щемило.

Санитарная машина областной больницы быстро мчала бабу Екку по асфальтовой дороге. Каждый раз, когда мимо проезжали машины, сердце Екки сжималось: ей казалось, что ее вот-вот задавят. Она десятки раз зажмурилась глазами. Сердце у нее стучало, как мотор.

Больница ей показалась высокой снежной горой. Приняли там бабушку, как дома. Да еще — убранная кровать, словно белоснежный сугроб, и казалось, от этой белизны даже снегом пахнет. Все это успокоило ее.

«Бабуля, садись», — приветливо пригласила ее сестра. Села, отдышалась на скамейке.

Через несколько дней, когда баба Екка уже освоилась немного в больнице, она встретила на лестнице женщину, лицо которой ей показалось знакомым. Женщина была местной. Подойдя к ней поближе, старушка радостно и громко поприветствовала ее: «Мэй!», — но ответа не последовало. Незнакомая женщина только открыла рот. Екка подошла еще поближе и с удивлением узнала себя. «Бедняжка», — промолвила она по-корякски. — «Эх ты, Екка! Зеркало и то обмануло тебя. Нет, рано еще к верхним людям, надо еще пожить. Интересно ведь».

...Обратно баба Екка летела уже совсем «ученая». Глаза в дороге не зажмурилась, ворот не покусывала от испуга. Ожидая вылета, долго рассматривала дымящийся вулкан. Ей уже объяснили, что такое вулкан. ЯК-40 за три часа доставил ее до родного села Манилы, которое встретило ее солнечной погодой. Ей помогли спуститься по трапу. От радости она не могла произнести ни слова и только со слезами на глазах, со всей земной своей любовью осматривала пришедших встречать ее, повела взглядом по родным местам, белоснежным сопкам. Свежий северный воздух наполнял ее силой. Стоявшие рядом молчали.

Вдруг Екка припала на колени и стала целовать землю. Она молча гладила ее изборожденными старенькими ладонями. Ее состояние и волнение, ее любовь к родному краю передалось стоявшим рядом людям. Встала. Ей дали узелок с подарками, приготовленными знакомыми в больнице, но она не сразу взяла его. Люди будто в первый раз вместе со старым человеком почувствовали и ощутили большую любовь к земле, к родным Манилам. Старушка подняла руки к небу и во весь голос крикнула: «Екка прилетела! Екка етты!». И твердой походкой направилась в родное, милое село.

Счастливая баба Екка шагала к родному дому.

Зоя АХАЙПИНА

В ГОСТИ К ПРЕДКАМ

Бабу Екку невозможно было уговорить и договориться с ней, чтобы направить ее в областную больницу на лечение. И так, и эдак убеждали ее, что там будет хорошо, что много местных в больнице. Переводчица старалась на корякском языке дословно переводить бабе Екке все доводы. Бесплезно! В ее слезящихся глазах читались такие испуг, отчаяние, мольба, что санитарка на минуту умолкла.

И тут Екка вышла из состояния отчаяния, переставила ноги, как будто к бою готовилась, левой рукой подняла рукав кухлянки на правой руке до локтя, потом поправила висячий рукав керкера под кушляной. И все это делала с энергией, будто торопилась. Сжала кулачок и потрясла им в воздухе. Медсестра сделала шаг назад. Баба Екка вытерла махорку с губ, высморкалась в ладонь, встряхнула ею над тазиком и выпалила: «То-о-ок! Чемо-оч! Хватит! Я

здесь буду на уколы ходить, не все ли равно? То-о-ок! Хватит!». И мотала седой головой из стороны в сторону. И выпроводила медсестру с переводчицей.

Затем закрыла дверь на крючок, выглянула в окно — убедиться, ушли ли они, зашла в комнату, отдышалась. Села на табуретку, вытерла ладошками слезящиеся глаза, поменяла махорку во рту и сама с собой заговорила: «Так, им хочется, чтоб я долго жила на этом свете. А ведь ждет меня муж! Предки ждут. Ни в какую больницу не поеду».

С плохим настроением возвращалась в больницу медсестра. Ох, влетит ей опять от врача, когда тот спросит, почему бабу Екку не привели. А уже завтра надо вылетать в город.

Утром опять отправились за бабой Еккой. Та не ожида-

шайте, родные, оставляю я вас всех. Земли уже давно не видать. Я скоро прилечу к своим родичам, к мужу, ко всем верхним людям. А одета то я как безобразно — в этих русских тряпочных торбасах, закутанная в такие же материи. Ничего на мне нет своего, корякского. И подумают муж и родичи, что меня просто вытурили из дому, что я позорница, в такие года без кухлянки и торбасов, без упряжки оленей, пешком. Ничего с собой нет: ни погребального убранства, ни махорки, ни мяса. Что буду говорить своим?».

Сперва она не завидовала тем, кто уходил на тот свет. Наоборот, казалось — ей повезло. Приятно было легкой дорогой попасть к своим верхним людям, да еще на самолете, без всяких тяжелых мучений. Ее не жгут на костре, она явится туда живая, настоящая, земная Екка. Она улыбкунулась. Но вспомнила день вчерашний, и до того больно стало за нехорошие слова, которыми она крыла